

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

А.Б. Подцероб*

АРАБСКИЕ СТРАНЫ В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Статья посвящена изучению места и роли арабских стран Ближнего Востока и Северной Африки в современной системе международных отношений. Исследован комплекс факторов, которые обуславливают исключительно высокую геоэкономическую и геополитическую значимость этого турбулентного региона. Обозначены наиболее важные источники внутренней нестабильности и межгосударственных конфликтов. Дана оценка влияния на положение дел в арабских странах региональных и внерегиональных держав — Турции, Ирана, США, стран Европейского союза. Особое внимание уделено анализу проблем и перспектив развития взаимоотношений между государствами Арабского Востока и Россией.

Ключевые слова: арабский мир, Ближний Восток, Северная Африка, энергоресурсы, религиозный радикализм.

The article examines the position of Arab countries of the Middle East and North Africa in contemporary international affairs. It defines the set of factors that account for the extremely high geoeconomic and geopolitical importance of this turbulent region, and identifies the main sources of internal instability and intrastate conflicts. The article demonstrates how the situation in the Arab world is affected by the policies of regional and extra-regional actors: Turkey, Iran, the United States, the European Union. Special attention is paid to the examination of key issues in the relations between Arab states and the Russian Federation with a focus on mutual perceptions.

Keywords: Arab World, Middle East, North Africa, energy resources, religious extremism.

Вот уже несколько месяцев внимание международного сообщества приковано к событиям, происходящим в арабском мире. Свержение президента Зин аль-Абидина бен Али вызвало цепную реакцию. В короткий срок массовые волнения охватили весь Арабский Восток — от Марокко до Ирака. Режим президента Хосни Мубарака пал, в Ливии началась полномасштабная гражданская война, судьба правящих режимов в таких странах, как Йемен и Бахрейн, также оказалась под вопросом.

* Подцероб Алексей Борисович — к.и.н., Чрезвычайный и полномочный посол, ведущий научный сотрудник Центра арабских и исламских исследований Института востоковедения РАН (e-mail: podtserob@yandex.ru).

Эксперты сегодня высказывают самые разные предположения относительно того, по какой схеме будет проходить процесс консолидации власти в Тунисе и Египте, когда и чем закончится «битва за Ливию» между сторонниками и противниками лидера ливийской революции Муаммара Каддафи и какие еще изменения произойдут на политической карте региона.

Всплеск нестабильности в Северной Африке и на Ближнем Востоке актуализирует вопрос о месте арабских стран в происходящих в мире процессах. В период «холодной войны» Арабский Восток был одним из основных театров конфронтации между СССР и Западом, однако прекращение советско-американского противостояния спокойствия региону не принесло. С одной стороны, здесь по-прежнему вспыхивают межгосударственные конфликты, продолжаются идеологические споры, нарастают религиозные распри, с другой — арабский мир остается зоной соперничества великих держав. «На карту в этой головоломке, — отмечал З. Бжезинский, оценивая ситуацию на Ближнем, а также на Среднем Востоке и в Средней Азии, — поставлены геополитическое могущество, доступ к потенциально огромным богатствам, достижение национальных и/или религиозных целей и безопасность» [4, с. 168]. Он подчеркивал, что сохранение Ближнего и Среднего Востока в орбите влияния Запада должно быть одной из основных целей внешней политики Вашингтона, поскольку иначе американское главенство во всей Евразии заметно сузится [4, с. 48]. В свою очередь в России, возвращающей себе статус одного из ведущих игроков в арабском мире, по словам президента Д.А. Медведева, убеждены, что ее взаимодействие с арабскими странами представляет «важнейший фактор мировой политики, в том числе в вопросах самых серьезных: терроризма, экстремизма, мирного урегулирования региональных конфликтов, ядерного нераспространения» [16].

Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы определить место Арабского Востока в системе международных отношений и обозначить круг факторов, которые обуславливают исключительно высокую геоэкономическую и геополитическую значимость этого турбулентного региона.

* * *

Место арабских стран в системе современных международных отношений предопределяется сочетанием ряда факторов — экономических, географических, военно-политических, демографических.

Экономическая значимость арабского мира обусловлена в первую очередь тем, что на его территории находятся крупнейшие месторождения углеводородов. Только в зоне Персидского залива сосредоточены две трети мировых запасов нефти и одна треть резервов

газа [12, с. 3]. Ни в одном другом районе Земного шара нет подобной концентрации энергетического сырья, не просто жизненно важного для мировой экономики, но и обеспечивающего само существование современной цивилизации. Ведущей страной-производителем нефти и ее крупнейшим экспортером является Саудовская Аравия, на долю которой, по данным 2010 г., приходится почти 20% мировых запасов этого сырья. 19,3% нефтяных резервов мира находится в Ираке и Кувейте [28]. Всего же в арабских странах сосредоточено более половины нефтяных запасов мира [28]. Разведанных резервов должно хватить Ираку, Катару и Кувейту более чем на 100 лет, Объединенным Арабским Эмиратам — на 97 лет, Саудовской Аравии — на 66 лет [6, с. 284].

В обозримой перспективе углеводороды сохранят за собой роль основного энергетического сырья, которое вряд ли смогут заменить (в силу их дороговизны) альтернативные источники энергии — солнечная, ветровая, гидротермальная и т.п. Не сможет это сделать, по-видимому, и атомная энергетика. США, например, планируют удвоить в течение трех лет производство энергии из альтернативных источников, но их доля в общем объеме энергопотребления по сравнению с долей углеводородов все равно будет оставаться не столь уж значительной. Повсеместное же внедрение в социально-экономическую жизнь (в том числе в крупнейшей стране мира — Китае) модели «общества потребления» создает предпосылки для стабильного роста добычи традиционного сырья.

В прошлом у стран-экспортеров нефти существовали иллюзии о возможности использования углеводородов в качестве политического оружия. Во время «Октябрьской войны» 1973 г. ими было даже введено эмбарго на поставки нефти государствам, поддерживавшим Израиль, — Соединенным Штатам, Португалии, Нидерландам, Южной Африке и Родезии. Однако эта мера оказалась неэффективной, поскольку подпавшие под действие эмбарго страны смогли покупать углеводородное сырье через посредников, и в июле 1974 г. «энергетические санкции» были сняты. Вместе с тем их следствием стало первое существенное повышение цен на нефть.

В современных условиях углеводороды формируют политико-экономическую взаимозависимость стран-потребителей — США, Европейского союза, Китая, Индии — и поставщиков. В силу этого обеспечение энергетической безопасности во многом связано с поддержанием стабильных цен на энергоресурсы, что диктует необходимость тесного взаимодействия между странами-экспортерами и странами-потребителями, призванного не допустить хаотичной конкуренции на нефтегазовых рынках.

Следует констатировать, что государства-поставщики углеводородов, объединенные в Организацию стран-экспортеров нефти

(ОПЕК) (Organization of Petroleum Exporting Countries, ОПЕК), ведут себя достаточно ответственно, принимая необходимые меры для того, чтобы ослабить резкие колебания цен на энергетическое сырье и сохранить их на оптимальном уровне. Однако у проблемы энергетической безопасности есть и другой аспект — ситуация на мировых рынках напрямую зависит от стабильности обстановки на Арабском Востоке, и уже хотя бы по этой причине данный регион не может быть выведен за рамки глобальной «игры наций» и перестать быть объектом вмешательства извне.

Нефтедобывающие страны Ближнего Востока и Северной Африки остаются топливно-сырьевым придатком Запада, и это делает их экономику весьма подверженной колебаниям цен на мировом рынке углеводородов. Особенно остро данная проблема стоит перед Кувейтом, Ираком, Ливией, Оманом и Саудовской Аравией, которые входят в число десяти государств мира, наиболее зависимых от экспорта минерального сырья. Так, доля доходов от продажи углеводородов, по данным 2009 г., составляла 75% ВВП Ливии, 71% — Ирака, 64% — Бахрейна [6, с. 283].

В настоящее время значительная часть добычи нефти в арабских странах осуществляется национальными компаниями, но борьба за контроль над ее месторождениями не ушла в прошлое. По наблюдениям автора, среди арабских политических деятелей довольно широко распространено мнение, что вторжение американцев в Ирак было в немалой степени обусловлено стремлением «прибрать к рукам» иракскую нефть, и цель Вашингтона — превратить США в «единственную бензозаправочную станцию в мире». Желание обеспечить доступ к источникам углеводородов оказывает заметное воздействие и на подходы западных держав к суданской проблеме.

Одновременно возрастает значение арабских стран как экспортеров второго по важности энергетического сырья — природного газа, на долю которого сейчас приходится 22% производства энергоресурсов по сравнению с 10% в 1960 г., а в ближайшие 20 лет прогнозируется рост до 25% [14, с. 65]. Один лишь Алжир обладает месторождениями газа, которые сопоставимы с российскими и в несколько раз превышают иранские [14, с. 70]. После завершения начатого в 2010 г. строительства газопровода «Газси» (Алжир—Италия) и реконструкции газопровода «ТрансМед» (Алжир—Тунис—Италия) эта страна сможет поставлять в Западную Европу через два упомянутых трубопровода, а также через газопровод «Медгаз» (Алжир—Испания) около 50 млрд куб. м газа ежегодно. Египет и Ливия (до начала антиправительственных выступлений) планировали экспортировать в 2010 г. в страны Европейского союза по 10—12 млрд куб. м, причем к 2020 г. ВСНЛАД намерена была дове-

сти свои поставки до 35 млрд куб. м, а АРЕ — до 25 млрд куб. м. Планирует существенно увеличить продажу газа и Катар. Кроме того, к 2020 г. на европейский рынок этого сырья выйдут, как ожидается, Саудовская Аравия, Объединенные Арабские Эмираты, Ирак, Оман, Йемен, которые смогут поставлять каждый год 25—30 млрд куб. м. При этом на Ближнем Востоке налицо быстрое наращивание объема разведанных запасов газа, ввод которых в эксплуатацию не представляет трудностей для обладающих значительными финансовыми средствами стран этого региона. Тем не менее перенасыщения европейского рынка газа не предвидится, поскольку в течение 10—15 лет потребности в нем ЕС вырастут до 535 млрд куб. м в год [14, с. 71—72].

Таким образом, в обозримом будущем роль арабских стран как поставщиков энергетического сырья не только не сократится, но и, скорее всего, будет — по мере истощения его запасов в других регионах мира — возрастать.

Отдельно стоит отметить исключительную роль Ближнего Востока как мирового транспортного узла, в котором сходятся в узкий пучок морские и воздушные пути, связывающие Европу с Азией и Тихоокеанским регионом. Через Ормузский пролив (нередко называемый «Нефтяными воротами») и Суэцкий канал осуществляются снабжение углеводородами Европы, Южной Азии и Дальнего Востока и грузовые перевозки между европейскими и азиатскими странами. Так, по данным Администрации Суэцкого канала, в 2009 г. через него прошли 21,2 тыс. судов, что составило 8% мировых морских сообщений [24]. При этом свобода судоходства имеет жизненное значение для экономики самих стран Персидского залива, а также Египта, получившего в 2009 г., по данным Администрации Суэцкого канала, в виде сборов за пользование этим каналом 4,3 млрд долл. [24].

Еще одним фактором, определяющим место Арабского Востока в системе международных отношений, является его расположение на стыке трех континентов, на границе между мусульманской и западноевропейской цивилизациями, суннитской и шиитской ветвями ислама, арабским, персидским и тюркскими этносами, европеоидной и негроидной расами. Начиная с эпохи Античности этот регион представлял собой один из основных театров мировой истории.

Современное геополитическое положение арабского мира формируется его близостью к Европе, Среднему Востоку, Закавказью, Средней Азии, Сахельской зоне, Африканскому рогу. Особенно важной является «сопряженность» с Европой, в том числе с точки зрения влияния эмиграции из государств Магриба на этническую, социальную, культурную ситуацию в странах Евросоюза.

Наконец, одно из арабских государств — Саудовская Аравия — занимает особое место в мусульманском мире как страна, на территории которой возник ислам и находятся Мекка и Медина, в то время как на земле Ирака, в Кербеле и Неджефе, расположены главные шиитские святыни, а тунисский Кейруан считается третьим священным городом суннитов.

Ближний Восток и Северная Африка — одни из наиболее нестабильных районов мира. Сложность урегулирования возникающих здесь кризисов в немалой степени связана с наложением друг на друга интересов государств этого региона, соперничеством вне-региональных держав, межнациональными и межрелигиозными противостояниями. Дополнительные трудности для выхода на политические решения создает глубоко укоренившееся взаимное недоверие. Длительные десятилетиями конфликты (ближневосточный, южносуданский, западносахарский) привели к появлению поколений, не знакомых с жизнью в мирных условиях и рассматривающих насилие как норму существования.

Наиболее продолжительным является ближневосточный конфликт, начавшийся в 1948 г. и дважды (в 1956 и 1973 гг.) подводивший мир к ядерной конфронтации. Как показывает опыт, его урегулирование на основе договоренности между самими конфликтующими сторонами невозможно, и это прекрасно понимают в арабском мире. Одно из свидетельств тому — заявление 14 июня 2009 г. министра иностранных дел АРЕ А. абу-ль-Гейта, признавшего, что палестинцев и израильтян нельзя оставлять одних, без опеки [21]. В силу этого чрезвычайно важную роль приобретает подключение к поискам путей решения этого конфликта внешних сил.

Начиная с 1970-х гг., т.е. со времени прихода к власти в Египте президента А. Садата, довольно широкое распространение в регионе получила точка зрения, что ключ к нормализации ситуации на Ближнем Востоке находится у Соединенных Штатов. В качестве примера можно привести высказанное в июне 2009 г. главой Центра стратегических исследований КСА М. аль-Мансуром убеждение, что единственные, кто в процессе ближневосточного урегулирования могут «заставить израильтян пошевелиться, это — американцы» [22]. Действительно, благодаря своей экономической и военной мощи США способны оказывать большее, чем другие державы, воздействие на происходящее в регионе, и даже такие наиболее влиятельные ближневосточные страны, как Египет и Саудовская Аравия, вынуждены подстраивать свою политику под курс Вашингтона. Кроме того, в силу специфики американо-израильских отношений Соединенные Штаты являются единственной страной, которая располагает реальными рычагами воздействия на Израиль.

В свое время США эффективно содействовали заключению мирного договора между Египтом и Израилем. Вместе с тем не следует забывать, что они тогда действовали в специфической ситуации, порожденной условиями «холодной войны». Для Соединенных Штатов было исключительно важно вывести из-под влияния Советского Союза и переманить на свою сторону ведущую страну арабского мира. Платой за это должно было стать возвращение египтянам Синая. Израильцы же стремились ослабить своего наиболее опасного противника, ради чего готовы были пожертвовать контролем над не имеющими для них столь уж большого значения синайскими пустынями. В то же время все попытки Вашингтона в одиночку добиться урегулирования палестино-израильского конфликта результата не дали. Как признал Б. Обама, выступая 5 июня 2009 г. в Каирском университете, «мы не можем навязать мир» [34].

Причина этого заключается в том, что возможности американцев воздействовать на Израиль достаточно ограничены как из-за нежелания осложнять отношения со страной, являющейся их главным союзником в регионе, так и из-за воздействия на их политику влиятельного еврейского лобби. Действия Вашингтона частично определяют и напряженные отношения с Сирией и Ираном, отсутствие контактов с радикальными палестинскими группировками, а также недоверие к США в арабском мире. Учитывая существующие реалии, Соединенные Штаты оказались вынуждены возобновить взаимодействие с двумя другими ведущими игроками на ближневосточной арене — Россией и ЕС, хотя при этом в Вашингтоне предпочли бы, чтобы его партнеры по мирному процессу не выступали самостоятельно, а ограничили свою роль поддержкой американских инициатив.

Очередная попытка добиться прорыва в ближневосточном урегулировании была предпринята американцами в 2010 г. Б. Обама сделал акцент на создании Палестинского государства как основном условии установления прочного мира, потребовал от Израиля прекращения строительства поселений на Западном берегу. Американская дипломатия предпринимала настойчивые попытки побудить израильтян и палестинцев возобновить переговоры. Достичь успеха, однако, Вашингтону и на этот раз не удалось. США могли оказать давление на своих израильских партнеров, отказав им в предоставлении обещанной ранее военной помощи в размере 3 млрд долл. в год, но Б. Обама так и не решился это сделать [30]. В конечном счете все свелось к увещанию американцами израильтян, на что премьер-министр Израиля Б. Нетаньяху ответил маневрированием и второстепенными уступками, которые он тут же обставлял новыми условиями. В результате возобновившиеся

было переговоры между сторонами конфликта сразу же зашли в тупик, и мирный процесс вновь застопорился.

Ближневосточный конфликт является самым острым, но далеко не единственным в регионе. Остаются неурегулированными территориальные споры: притязания Ирана на Бахрейн, разногласия по поводу принадлежности трех островов в Персидском заливе, а также Сеуты и Мелильи, пограничные споры (между Египтом и Суданом, Йеменом и Эритреей, Ливией и Алжиром). Не проведена делимитация значительных участков границ (в частности, между Йеменом и Саудовской Аравией, Катаром и Саудовской Аравией, Катаром и Бахрейном, Алжиром и Марокко). Сохраняется конфликтная ситуация и вокруг Западной Сахары.

Кроме того, помимо противостояний «классического типа» начали возникать конфликты «нового поколения». К ним относятся, в частности, споры вокруг использования водных ресурсов, представляющих собой наряду с чистым воздухом, продовольствием и энергоносителями основной источник выживания человечества. Перед арабскими странами, значительная часть территории которых покрыта пустыней, данная проблема стоит особенно остро. Уже в 2000 г. 130 млн человек на Ближнем Востоке и в Северной Африке жили на «голодном водяном пайке» (менее 1 тыс. куб. м на человека в год), а 45 млн — в государствах с недостаточным водоснабжением. В настоящее время 30 млн человек в этом регионе не имеют доступа к чистой воде, а 27 млн — базового санитарного водообеспечения [9, с. 5]. К 2025 г. население арабских государств с ограниченным доступом к водным ресурсам возрастет до 63 млн человек [9, с. 5]. Связанные с распределением воды очаги противоречий формируются в отношениях между Ираком, Сирией, Турцией и Ираном; Суданом, Эфиопией и Египтом; Сирией, Палестиной и Израилем. Возможно также возникновение конфликта между Египтом и Ливией в случае, если ввод ливийцами в строй «Великой искусственной реки» приведет к истощению подземного аквифера Куфра и перемещению туда части нильской воды.

Для Египта вообще проблема водных ресурсов имеет жизненное значение, поскольку само существование этого государства зависит от Нила. Не намного менее острым этот вопрос является и для Судана. Раздел вод Нила регулируется соглашением 1959 г., в соответствии с которым на долю Египта приходится 55,5 куб. км годового стока, а Судана — 18,5 куб. км. Попытки Каира и Хартума наладить сотрудничество в деле экономии водных ресурсов не дали результата. В 1976 г. стороны договорились соорудить канал Джонгли в суданских болотах (где Белый Нил ежегодно теряет из-за испарения 18 куб. км воды) и увеличить тем самым объем стока на 4 куб. км в год, но возобновившаяся в 1984 г. гражданская война

в Судане, а затем и очередное обострение отношений между двумя странами помешали реализации этого проекта [9, с. 8]. Еще один очаг конфликтов вызревает вокруг использования вод Тигра и Евфрата: Сирия и Ирак выступают против планов Турции соорудить на этих реках 22 плотины [33], так как их строительство приводит к дефициту водных ресурсов в этих странах (например, в Ираке в 2009 г. — 500 куб. м/сек).

Высокий уровень нестабильности в регионе порождает широко-масштабную гонку вооружений, причем не только конвенциональных. Ближний и Средний Восток стали единственным районом мира, где после Второй мировой войны было применено (в ходе ирако-иранского конфликта) оружие массового уничтожения. Особую опасность представляло бы появление в этой перенасыщенной конфликтным потенциалом зоне ядерных вооружений. Возможно, таким оружием уже обладает Израиль, попытки обзавестись атомными бомбами предпринимали Ирак и Ливия, до сих пор неясна направленность ядерной программы Ирана.

Специфической чертой арабского мира является то, что в качестве акторов международных отношений там выступают не только государства, но и экстремистские организации. Их акции, которые не вписываются в классические параметры «игры наций», делают развитие обстановки в регионе еще более непредсказуемым. На Ближнем Востоке и в Северной Африке активно действуют такие ассоциированные с «Аль-Каидой» террористические группировки, как Организация «Каида аль-джихад» в Месопотамии (и связанные с нею 13 более мелких радикальных исламистских групп [подробнее см.: 15, с. 25]), Организация «Аль-Каида» на Аравийском полуострове, Организация «Аль-Каида» в странах исламского Магриба, а также целый ряд национальных экстремистских групп, например ливанская «Хезболла» или палестинское Исламское движение сопротивления. Осуществляемые ими акции (террористические и диверсионные операции, провоцирование внутренних и межгосударственных конфликтов, создание незаконных вооруженных формирований, установление контроля над территориями в условиях ослабления государственной власти) оказывают дестабилизирующее влияние не только на развитие обстановки в районе Персидского залива, Леванте, Северо-Западной Африке, Сахельской зоне — террористическая угроза «выплескивается» из Южного Средиземноморья в Европу. Например, во Франции алжирская Вооруженная исламская группа осуществила ряд терактов, а марокканские интегралы — взрывы поездов; выходцы из Саудовской Аравии составляли большинство организаторов и исполнителей террористических атак в Нью-Йорке и Вашингтоне 11 сентября 2001 г.; несколько сотен арабских добровольцев воевали на сторо-

не сепаратистов в первую и вторую чеченские кампании [см.: 2, 22.02.2000; 7, с. 123; 10, с. 575]. Роль исламистских группировок, включая «Аль-Каиду», в развязывании гражданской войны в Ливии и их активное участие в боевых действиях продемонстрировали, что религиозные экстремисты остаются силой, способной оказывать реальное влияние на развитие событий в регионе.

Религиозный радикализм порождается целым комплексом причин, не последнее место среди которых занимают оккупация Израилем Иерусалима и неурегулированность ближневосточного конфликта в целом, угрозы американцев и израильтян в адрес Ирана, вторжение войск США и их союзников в Афганистан. Заметную роль сыграла в этом плане война в Ираке: по оценке специалистов английского Королевского института по международным делам, она «придала ускорение пропаганде, рекрутированию новых бойцов и сбору средств для “Аль-Каиды”, <...> расколола антитеррористическую коалицию и предоставила террористам как новую мишень, так и территорию для подготовки бойцов» [15, с. 219].

Тем не менее основной причиной нарастания волны исламизма следует все же считать издержки социально-экономической и политической модернизации, которая в некоторых странах региона осуществляется слишком низкими, а в других — чрезмерно форсированными темпами. Негативную роль играет и то, что правящие режимы в арабских государствах нередко реагируют на меняющуюся ситуацию с запозданием, начиная реформы лишь тогда, когда дальнейшая задержка чревата системным кризисом.

В современном глобализирующемся мире данная проблема вышла за рамки национальных границ стран региона и приобрела международный характер. Свидетельство тому — инициатива «Большой восьмерки» по оказанию содействия проведению политических, социальных и экономических реформ в государствах Расширенного Ближнего Востока и Северной Африки. Для реализации этих планов странами G8 созданы соответствующие механизмы, ведущую роль среди которых играет Форум для будущего. В регионе, впрочем, данную инициативу восприняли неоднозначно, с одной стороны, не возражая против получения помощи (особенно экономической), а с другой — опасаясь, как бы США не попытались навязать им свой вариант демократии без учета исторических, религиозных, культурных особенностей исламских государств, менталитета их населения. Вашингтон попытался развеять настороженность арабов. Характерно в данном контексте заявление Б. Обамы в ходе его выступления в Каирском университете, что «ни одна система правления не может и не должна быть навязана одной нацией другой» [34].

В рамках заявленной «Большой восьмеркой» инициативы удалось начать и осуществление ряда практических мер, включая реализацию соответствующих проектов в политической, социальной и экономической областях, помощь малому и среднему предпринимательству, поддержку неправительственных организаций, содействие реформе образования, поощрение повышения роли женщин в политической и экономической жизни, помощь в модернизации национальных законодательств и т.п.

Еще одна особенность ситуации на Ближнем Востоке состоит в широкой вовлеченности в происходящие там события средневосточных государств — Ирана и Турции.

Иран, обладающий нефтяными ресурсами, значительным демографическим и военным потенциалом (население — около 70 млн человек, численность вооруженных сил — 550 тыс. человек, резервов — 350 тыс. человек), оказывает заметное влияние на дела региона, претендует на роль лидера в Персидском заливе и проявляет возрастающий интерес к странам Леванта [18, с. 78; 33]. Тегеран способен воздействовать на обстановку также и через шиитские общины Ирака, Ливана, Бахрейна, Саудовской Аравии. По оценке министра иностранных дел Италии Ф. Фраттини, «его [Ирана] влияние, равно как и влияние шиитов, возрастает» [32]. Аналогичной точки зрения придерживается и академик Е.М. Примаков, констатирующий, что «Иран все больше влияет на региональные события». Если, отмечает он в этой связи, «прежний иракский режим сдерживал амбиции Ирана, то сегодня баланс сил в регионе нарушен» [цит. по: 23, с. 189].

Вместе с тем возможности дальнейшего наращивания ИРИ своего влияния на Ближнем Востоке ограничены принадлежностью подавляющего большинства арабов к суннитской ветви ислама, а также въевшимися в историческую память представлениями о многовековой арабо-персидской вражде.

Что касается Турции, то вторжения ее вооруженных сил в Иракский Курдистан еще более осложняют и без того непростую обстановку на Севере Ирака. Вместе с тем Анкара наладила военное сотрудничество с Израилем, заключив с ним в 1996 г. соответствующее соглашение, однако негативно отреагировала на ввод израильских войск в Газу в декабре 2008 — январе 2009 г. Турецко-израильские отношения осложнил инцидент с «Флотилией свободы», пытавшейся в мае 2010 г., прорвав блокаду сектора Газа, доставить палестинцам 10 тыс. тонн гуманитарных грузов. Конвой был атакован израильскими кораблями, что привело к гибели 9 и ранению 33 человек, в основном турецких граждан. В знак протеста Анкара отозвала своего посла из Тель-Авива, а премьер-министр Турции Т. Эрдоган охарактеризовал действия Израиля как акт го-

сударственного терроризма [13]. В целом же, несмотря на рост влияния в последние годы в Турции умеренных исламистов, она остается страной, политика которой в большей степени ориентирована на западное, а не на восточное направление. Для того чтобы пересмотреть свои внешнеполитические приоритеты и полностью развернуться в сторону исламского мира, Анкаре потребуются решительно порвать с наследием президента М. Кемалю Ататюрка, что на данный момент представляется маловероятным. Пока же Турция действует в ближневосточном регионе не столь активно, как Иран.

С конца XVIII в. арабский мир является зоной столкновения интересов и соперничества великих держав, а в годы «холодной войны» он превратился в один из основных театров конфронтации между Советским Союзом и Соединенными Штатами. В настоящее время Ближний Восток и Северная Африка остаются одними из важнейших направлений внешней политики США и стран Евросоюза.

Роль главного стратегического партнера Вашингтона в этом регионе сохраняет за собой Израиль, отношения Соединенных Штатов с которым определяются рядом межгосударственных договоров, в том числе Основным соглашением 1975 г., Меморандумом о безопасности Израиля 1979 г., Меморандумом о взаимопонимании в области стратегического сотрудничества 1981 г. Стремление обеспечить безопасность Израиля остается константой ближневосточной политики США.

Израиль является основным партнером Соединенных Штатов и в сфере военно-технического сотрудничества, и свои связи в этой области с Египтом, Саудовской Аравией и другими странами региона американцы строят таким образом, чтобы их военные потенциалы по своим возможностям не приблизились к израильскому [25, с. 123]. Взаимодействие в военной области не сводится, впрочем, к поставкам оружия. В 1988 г. между США и Израилем был подписан Меморандум о взаимопонимании, предусматривавший участие израильтян в разработке противоракетной системы «Эрроу», что должно было стать их вкладом в американскую Стратегическую оборонную инициативу [27, р. 42]. В 2009 г. в Израиле была развернута американская станция слежения за пусками ракет на Ближнем и Среднем Востоке.

Особое внимание Вашингтон уделяет району Персидского залива, который во всех американских внешнеполитических доктринах рассматривается как зона «жизненно важных интересов» США из-за наличия там запасов углеводородного сырья, а также в силу того, что происходящие там события оказывают воздействие на широкий спектр региональных и международных проблем [26, с. 18]. В годы «холодной войны» политика Соединенных Штатов в этой

зоне основывалась на «доктрине Картера», в соответствии с которой в качестве главных задач выдвигались противодействие советскому проникновению и обеспечение свободы судоходства и стабильности транспортировки нефти. В 1987 г., в разгар ирако-иранской войны, американцы перевели под свой флаг 11 кувейтских танкеров, неоднократно подвергавшихся нападениям иранцев, и сосредоточили в заливе мощную военно-морскую группировку [27, р. 11—12]. В ходе проводки конвоев неоднократно происходили боевые столкновения между американскими кораблями и иранскими катерами. Военно-морское присутствие США в водах Персидского залива не было свернуто и после окончания ирако-иранской войны.

Еще одной целью Соединенных Штатов было объявлено сохранение у власти в странах этого субрегиона монархических режимов (уже в 1981 г. президент США Р. Рейган со всей определенностью заявил, что Вашингтон не допустит превращения Саудовской Аравии во «второй Иран») [27, р. 32]. В Аравийском море в 1980-х гг. были сосредоточены амфибийные силы, а в ходе проводившихся в Египте и Омане маневров «Брайт Стар» основное внимание было направлено на отработку десантных операций. Тогда же четко проявилось стремление Вашингтона действовать в одиночку, сохраняя по возможности за собой монополию на обеспечение безопасности и, следовательно, на контроль ситуации в районе Персидского залива. Так, когда во время «танкерной войны» туда направили свои корабли Великобритания, Франция, Италия, Нидерланды и Бельгия, американцы отказались взаимодействовать со своими союзниками под тем предлогом, что для них неприемлема разработка их военной стратегии «комитетом в составе нескольких государств» [27, р. 34]. Не поддержали США и выдвинутую СССР идею о направлении в Персидский залив военно-морских сил ООН. Правда, позже, в 1991 г. во время войны за освобождение Кувейта и в 2003 г. во время вторжения в Ирак, Вашингтон был вынужден пойти на сотрудничество с другими странами (а в 1991 г. — и с Организацией Объединенных Наций), поскольку иного выхода у него тогда не было. Это, однако, не означало его отказа от стремления играть лидирующую роль в данном субрегионе.

В настоящее время американцы поддерживают свое масштабное военное присутствие в зоне Персидского залива. В Ираке, несмотря на декларации Б. Обамы о завершении вывода войск, остаются 50 тыс. американских военнослужащих, включая 4-ю бригаду 2-й стрелковой дивизии и подразделения войск специального назначения, а в Кувейте на постоянной основе дислоцируется американский контингент численностью 15—26 тыс. человек [25, с. 119]. Американцы располагают военными базами в Ираке, Кувейте, на Бахрейне, в Катаре, ОАЭ и Омане [25, с. 118—119]. В Дохе

развернут передовой командный пункт СЕНТКОМ, а в Манаме — штаб 5-го флота [25, с. 118]. Взаимодействие Вашингтона с государствами Персидского залива строится на основе договоров об обеспечении безопасности, которые были еще в конце прошлого столетия заключены с Абу Даби, Эль-Кувейтом, Манамой и Дохой [3, с. 67]. Не исключено, что аналогичный документ будет подписан с Ираком вместо нынешнего Соглашения о статусе Вооруженных сил США, срок действия которого истечет в ноябре 2011 г. Характерной чертой линии Вашингтона при этом остаются, с одной стороны, ставка на обеспечение безопасности не политико-дипломатическими, а в первую очередь военно-политическими методами (что подразумевает сохранение напряженности в этой зоне), а с другой — стремление обеспечивать себе и в дальнейшем роль единственного гаранта стабильности в данном субрегионе (что предопределяет неприятие американцами идей формирования там системы коллективной безопасности).

Военное и/или военно-техническое сотрудничество со странами Персидского залива осуществляют также европейские государства (Великобритания, Франция, Германия, Италия, Испания, Нидерланды, Норвегия, Швеция, Швейцария, Чехия, Словакия, Румыния), а также Индия, Пакистан, ЮАР, однако объем их связей несравним с американским, и подорвать патерналистское положение США по отношению к данному субрегиону они не в состоянии [см.: 25, с. 290—292, 308, 310, 331—332, 339—340, 346].

В арабской политике европейских стран «центр тяжести» смещен в сторону Средиземного моря, более того — с середины 1990-х гг. данное направление стало для ЕС одним из приоритетных. Важность этого региона для Евросоюза объясняется географической близостью, тесными политическими, торгово-экономическими, культурными и научными связями, воздействием эмиграции из государств Магриба на социальную стабильность стран Западной Европы, необходимостью взаимодействия в антитеррористической сфере и пресечении нелегальной иммиграции, а также усилившимся соперничеством в Северной Африке между ЕС и США.

Сотрудничество Евросоюза с государствами Магриба и Леванта осуществляется в формате Евро-Средиземноморского партнерства (ЕСП). Начало процессу взаимодействия было положено подписанием в марте 1957 г. Римского договора об учреждении Европейского экономического сообщества, ст. 131 которого предусматривала ассоциацию с заморскими странами и территориями, «поддерживающими особые отношения» с государствами ЕЭС. Целью партнерства было провозглашено «содействие экономическому и социальному развитию [этих] стран и территорий и установление тесных экономических связей между ними и Сообществом в целом»

[11, с. 128]. В Средиземноморье действие договора в момент его заключения распространялось на Марокко и Тунис. В 1976 г. ЕЭС заключило договоры о сотрудничестве с Алжиром, Марокко и Тунисом, в соответствии с которыми западноевропейские государства взяли на себя обязательства по оказанию странам Магриба финансовой помощи, снижению пошлин на экспортируемые ими промышленные товары, обеспечению более свободного доступа на рынки Сообщества их сельскохозяйственной продукции [17, с. 86—87]. В начале 1990-х гг. ЕЭС была одобрена Новая средиземноморская политика, ориентированная на формирование партнерских отношений с государствами Южного Средиземноморья и содействие в осуществлении ими экономических и структурных реформ [17, с. 87]. Возлагавшиеся на это сотрудничество ожидания, однако, не оправдались. Несмотря на то что к 1991 г. Алжир получил от ЕЭС финансовую помощь на общую сумму 504 млн евро, Марокко — 653 млн евро и Тунис — 458 млн евро, разрыв в уровнях развития между Северной Африкой и Западной Европой продолжал увеличиваться, в то время как удельный вес в мировой экономике пяти магрибских государств сократился за период 1980—1995 гг. вдвое [17, с. 87]. Эта ситуация вызвала возрастающую озабоченность западноевропейцев. На заседаниях Европейского совета в марте и декабре 1994 г. район Средиземного моря был объявлен зоной, имеющей стратегическую важность для регионального сотрудничества и интеграции, и ЕС предпринял попытку вывести взаимодействие на качественно новый уровень [17, с. 87].

Современный этап партнерства начался в ноябре 1995 г. на созванной в Барселоне конференции с участием 15 западноевропейских и 11 средиземноморских стран, а также Палестинской национальной администрации [31, р. 18]. Было условлено, что ЕСП станет развиваться по трем параллельным направлениям: участвующие в нем государства должны координировать свои действия в деле обеспечения безопасности, вести дело к установлению в 2010 г. (для Алжира — в 2013—2015 гг.) зоны свободной торговли и развивать культурное, социальное и гуманитарное сотрудничество [17, с. 89, 118]. Параллельно действуют и другие организации, включая Западно-Средиземноморский диалог по формуле «5+5» и Барселонский процесс — Союз для Средиземноморья. Налаживание партнерства происходит более медленно, чем это первоначально предполагалось. Прогрессу ЕСП продолжают препятствовать разрыв в уровнях развития между западноевропейскими и арабскими странами и различное понимание ими приоритетных направлений партнерства (если на Севере ставят во главу угла сотрудничество в сфере безопасности и противодействия нелегальной иммиграции, то на Юге делают упор на важность расширения экономических

связей), а также неурегулированность израильско-арабского конфликта, что, по словам заместителя представителя Еврокомиссии в Москве Ж. Дюбуа, превратило ЕСП в заложника ближневосточного мирного процесса [31, р. 25].

Важно отметить также, что если во время «холодной войны» государства Ближнего Востока и Северной Африки, в том числе придерживавшиеся прозападной ориентации, крайне негативно относились к попыткам втянуть их в военные блоки, опасаясь прямого вовлечения в советско-американскую конфронтацию, то в настоящее время они поддерживают довольно активные контакты с Организацией Североатлантического договора, которая начала заполнять вакуум в Южном Средиземноморье, возникший после исчезновения СССР.

Предпосылки к наращиванию арабскими странами сотрудничества с НАТО формирует общая заинтересованность в борьбе с экстремистской угрозой. Альянсом выдвинута Средиземноморская инициатива, в рамках которой с 1994 г. ведется диалог с Иорданией, Марокко, Тунисом и Мавританией по вопросам безопасности и взаимодействия в военной области. В 2000 г. к этой программе подключился Алжир. В 1995 г. США, Франция, Германия и Италия разработали план, предусматривающий в случае прихода к власти интегрисов в одном из магрибских государств высадку десантов с использованием военной инфраструктуры Марокко и Туниса для «быстрого реагирования на события в Северной Африке» [20, с. 255]. В пользу наращивания связей с Североатлантическим блоком выступают и некоторые страны Персидского залива, в частности Катар, считающий, что государствам этого субрегиона следует диверсифицировать свои связи в военной области. В 2004 г. НАТО установила контакты с некоторыми из них, одобрив Стамбульскую инициативу сотрудничества. Альянс проводит совместные маневры с вооруженными силами арабских государств, в том числе широкомасштабные, наподобие учений «Брайт Стар», участие в которых принимают США, Франция, Великобритания, Египет, Объединенные Арабские Эмираты.

Осуществляются и совместные антитеррористические акции. В 2004 г. американский спецназ был направлен в Сахару для оказания содействия алжирской Национальной народной армии в операциях против Салафитской группы проповеди и джихада. В апреле 2007 г. в Алжир были переброшены подразделения морской пехоты и группа военной разведки для обучения военнослужащих выслеживанию и захвату террористов. США планируют истратить в течение ближайших 5 лет 125 млн долл. на проведение контртеррористических операций на границе Алжира и Мали [19, с. 146]. Вместе с тем, идя на взаимодействие с Вашингтоном, алжирцы

пресекают попытки американцев обеспечить себе под предлогом борьбы с терроризмом постоянное военное присутствие. Они воспротивились предложению о создании на территории их страны военных баз, поскольку это «не сообразуется с национальным суверенитетом и независимостью», а в июне 2007 г. выступили против размещения в одном из государств континента Африканского командования США.

НАТО, в свою очередь, пытается (и не всегда безуспешно) вовлекать арабские страны в свои операции. Во всяком случае, Египет, Иордания и Марокко приняли участие в многонациональных Силах по выполнению Соглашения (о мире в Боснии и Герцеговине) и Международных силах по стабилизации, действовавших в этом государстве под командованием Североатлантического альянса.

В целом, таким образом, геополитическая ситуация на Ближнем Востоке и в Северной Африке формируется под воздействием трех акторов — местных «игроков», средневозточных государств и внерегиональных держав.

Что касается России, то она, в отличие от США и европейских стран, является экспортером нефти и газа, и в силу этого доступ к арабским углеводородам жизненно важного значения для нее пока не имеет. В связи с географическим положением РФ Ближний Восток не представляет для нее интереса и как транспортный узел, связывающий Европу с Азией. Наконец, после окончания «холодной войны» этот регион перестал быть для Москвы одним из главных театров конфронтации с Западом. Однако при этом, в отличие от Советского Союза, Россия, не обладающая достаточно мощными экономическими, финансовыми и военными рычагами воздействия на ситуацию, не в состоянии претендовать и на какую-то особую роль в арабском мире.

В то же время, хотя после распада СССР границы Российской Федерации отодвинулись от этого региона, она по-прежнему принадлежит к зоне, геополитически сопряженной с Ближним Востоком и Средиземноморьем. Россия поддерживает тесные политические, торгово-экономические, военно-технические, научные, культурные, гуманитарные связи с арабскими странами, играет активную самостоятельную роль в ближневосточном урегулировании, участвует в международных усилиях по нормализации ситуации в Южном Судане и Дарфуре, а также вокруг Западной Сахары. Для Москвы крайне важны стабильность и предсказуемость обстановки на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Не менее важно, чтобы из этого региона не исходила для РФ угроза со стороны радикального исламизма и терроризма. В интересах России контролировать соблюдение в этой зоне, расположенной поблизости от ее границ, режима нераспространения оружия массового уничтожения, ракет

и ракетных технологий, а также обеспечивать свободу судоходства в Средиземном, Красном и Аравийском морях, Суэцком канале, Гибралтарском и Баб-эль-Мандебском проливах. Большое значение для РФ имеют сохранение доступа ее товаров, в том числе военного назначения, на рынки арабских государств, наращивание с ними экономического сотрудничества.

Значимость этого взаимодействия предопределяется и тем, что Россия, ближневосточные и североафриканские государства в совокупности обладают 70% нефтегазовых запасов мира [5]. Для Москвы весьма важно, чтобы ситуация на мировом рынке энергетического сырья не вышла из-под контроля и не началась хаотичная конкурентная борьба между РФ и другими поставщиками данного товара. Этим обусловлена необходимость тесного сотрудничества России с другими государствами-экспортерами нефти и газа — арабскими странами, Ираном, Казахстаном, Туркменистаном. Значение взаимодействия, в частности, с Алжиром в настоящее время возрастает и в связи со стремлением ЕС создать замкнутую общеевропейскую систему трубопроводов, в которую будет поступать газ одновременно из АНДР и России, а также из Норвегии.

Нельзя, наконец, упускать из виду, что Арабский Восток представляет собой составную и, пожалуй, важнейшую часть более обширного региона — исламского мира, связи с которым оказывали и будут оказывать влияние на судьбу Российской Федерации, в том числе в цивилизационном плане.

Арабы, в свою очередь, рассматривают Россию как дружественную им державу, обладающую необходимым потенциалом для того, чтобы стать одним из центров формирующегося многополярного мира и содействовать восстановлению равновесия в международных отношениях. «Мы хотим, — подчеркивал в свое время в беседе с председателем Совета национальностей Верховного Совета РФ Р.Г. Абдулатиповым вице-президент Сирии А.Х. Хаддам, — чтобы Россия вернула исторически присущую ей роль силы, обеспечивающей баланс как в ближневосточном регионе, так и в мире» [1, с. 223—224]. Посол САР в Москве В. Фадель, в свою очередь, отмечал: «Мы убеждены в том, что Россия как великая держава в силу своего культурного наследия, научного, военного и геополитического веса является главной опорой стабильности в мире» [8, с. 191].

На Ближнем Востоке и в Северной Африке позитивно воспринимают усилия Москвы по возобновлению палестино-израильского мирного процесса, ее позицию по Ираку, неприятие политики «двойных стандартов», стремление к закреплению за ООН центральной роли в международных отношениях. РФ, отмечает иорданский политолог М. Судах, «раз за разом подтверждает свою готовность к поиску оздоравливающих обстановку политических

решений на Ближнем Востоке. <...> Москва во все прошедшие века, времена и эпохи, в имперский период, в советское время и в наши дни выступала за четкие решения, основывающиеся на международной законности, которые гарантировали бы коренным жителям и народам региона их права в полном объеме, а находящимся там государствам — полный суверенитет» [2, нисан—абриль 2009]. По словам же председателя Народного собрания Египта А.Ф. Сурура, в арабских странах считают Россию единственной державой, способной предотвратить новый арабо-израильский конфликт [1, с. 236].

Вместе с тем в регионе и не переоценивают возможности России. Ее рассматривают как силу, придающую более сбалансированный характер взаимоотношениям великих держав на региональной арене и способную в какой-то мере выступать в качестве противовеса США. Однако аналогичная роль отводится арабами и Европейскому союзу, а также (хотя и в меньшей степени) Китаю.

Что касается отношений арабских государств с НАТО, то они, как представляется, не противоречат интересам России до тех пор, пока речь идет о сотрудничестве в борьбе с терроризмом. Однако наращивание военного присутствия альянса, особенно на Ближнем Востоке, попытки втянуть в этот блок страны региона можно рассматривать (наряду с продвижением НАТО в Восточную Европу) как потенциальную опасность для РФ.

Немалую роль играют, наконец, морально-психологические факторы. Арабы по-разному воспринимают американцев, западноевропейцев и русских, считая, что последние близки им по своему национальному характеру, взглядам на жизнь, реакции на происходящие события. Характерны в этом отношении высказывания президента САР Х. Асада, высоко отзывавшегося в ходе беседы с Р.Г. Абдулатиповым в 1992 г. о моральных качествах россиян, которые, по его мнению, роднят их с сирийцами [1, с. 224]. На Ближнем Востоке и в Магрибе не забыли, что русские княжества не участвовали в крестовых походах XI—XIII вв., а Россия не стремилась превратить арабские страны в свои колонии. Помнят там и об арабо-советском сотрудничестве во второй половине XX в. В регионе полагают, что судьбы этих государств и Российской Федерации взаимосвязаны. Так, по мнению А.Х. Хадлама, «когда в вашей стране [т.е. в России] происходят позитивные изменения, они позитивно влияют на нас. Когда вы переживаете трудности, это так же сказывается на нас» [1, с. 224].

Россия обладает реальными возможностями сохранить свое присутствие в арабском мире. Несмотря на относительную слабость экономики, ориентированной на экспорт сырья, она пользуется влиянием в этом регионе, располагает финансовыми средствами

и значительным военным потенциалом. Большое значение имеет и то, что в силу специфики своего исторического развития Россия, являющаяся самой восточной страной Запада и самой западной страной Востока, гораздо ближе арабским странам с цивилизационной точки зрения, чем европейские государства или США. Активное участие Российской Федерации в делах Ближнего Востока и Северной Африки является залогом того, что геополитические реалии не будут формироваться там без учета ее интересов.

Предпосылки российско-арабского сотрудничества носят объективный характер. Какие бы режимы ни пришли к власти в странах региона, они будут заинтересованы во взаимодействии с РФ. В силу этого, несмотря на происходящие на Ближнем Востоке и в Северной Африке перемены, на будущее политических отношений России с государствами Арабского Востока можно смотреть с вполне обоснованным оптимизмом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абдулатипов П.Г.* Судьбы ислама в России. М., 2002.
2. Аль-Мунтада (араб. яз.).
3. *Андреасян Р.Н.* Нефть и арабские страны в 1973—1983 гг. М., 1990.
4. *Бжезинский З.* Великая шахматная доска. М., 1999.
5. *Блохина Л.* Пора возвращаться на Восток [Электронный ресурс] // Стратегия России [Офис. сайт]. Ноябрь 2008 г. URL: <http://sr.fondedin.ru/new/admin/print.php?id=1227929146&archive=1228535780> (дата обращения: 17.01.2011).
6. *Бондаренко С.В.* Нефтегазовый комплекс стран РБВСА как основной источник финансирования социально-экономического развития: пределы и возможности // Ближний Восток и современность. Вып. 38. М., 2009. С. 282—285.
7. *Борисов А.Б.* Арабский мир: прошлое и настоящее. М., 2002.
8. Выступление чрезвычайного и полномочного посла Сирийской Арабской Республики в Российской Федерации г-на Вахиба Фадея [на конференции «Российско-сирийские отношения» 19 января 2005 г.] // Ближний Восток и современность. Вып. 28. М., 2006. С. 189—194.
9. *Гашев Б.Н., Зудина Л.П.* Водобеспечение в арабских странах Северной Африки // Ближний Восток и современность. Вып. 38. М., 2009. С. 5—27.
10. *Гродненский Н.Н.* Первая чеченская. История вооруженного конфликта. Минск, 2007.
11. Договор об учреждении Европейского экономического сообщества. Часть четвертая. Ассоциация с заморскими странами и территориями // Мохова И.М. Западное Средиземноморье: проблемы интеграции. М., 2005. С. 128—130.
12. *Засыткин А.С.* Безопасность в Персидском заливе // Международная жизнь. 2009. № 1. С. 3—11.

13. Израиль извинится перед Турцией за «Флотилию свободы» [Электронный ресурс] // Росбалт: Информационное агентство [Официальный сайт]. 07.12.2010 г. URL: <http://www.rosbalt.ru/2010/12/07/798026.html> (дата обращения 15.01.2011).

14. *Исаев В.А.* Российский и арабский газ на мировом рынке: возможности и перспективы // Ближний Восток и современность. Вып. 38. М., 2009. С. 65—75.

15. *Куделев В.В.* «Аль-Каида» и война в Ираке. М., 2009.

16. Медведев: России не нужно добиваться дружбы с мусульманским миром [Электронный ресурс] // Аргументы и факты [Официальный сайт]. 24.06.2009 г. URL: <http://www.aif.ru/politic/article/27674> (дата обращения: 18.01.2011).

17. *Мохова И.М.* Западное Средиземноморье: проблемы интеграции. М., 2005.

18. Обзорно-географический атлас мира. М., 2007.

19. *Подцероб А.Б.* Ислам во внутренней и внешней политике стран Магриба. М., 2009.

20. *Сергеев М.С.* История Марокко — XX век. М., 2001.

21. Сообщение корреспондента ИТАР-ТАСС Антонова А. из Каира, 15.06.2009 г. [Электронный ресурс]. URL: assos@sender.itar-tass.co (дата обращения: 15.01.2011).

22. Сообщение корреспондента ИТАР-ТАСС Пьяных Д. из Каира, 03.06.2009 г. [Электронный ресурс]. URL: assos@sender.itar-tass.co (дата обращения: 15.01.2011)..

23. *Супонина Е.В.* Израильско-палестинский конфликт на фоне стремления Ирана к лидерству в регионе // Вестник МГИМО-Университета. 2010. № 5. С. 188—191.

24. Суэцкий канал [Электронный ресурс] // Википедия [Интернет-портал]. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D1%83%D1%8D%D1%86%D0%BA%D0%B8%D0%B9_%D0%BA%D0%B0%D0%BD%D0%B0%D0%BB (дата обращения: 19.01.2011).

25. *Юрченко В.П.* Военная политика и военное строительство в странах Арабского Востока (конец XX — начало XXI века). Ч. 2. М., 2007.

26. *Яковлев А.И.* Саудовская Аравия: достижения и противоречия реформ // Мировая экономика и международные отношения. 2001. № 1. С. 97—104.

27. *Bayev P.* The Gulf: From the Impasse of Confrontation to the Political Alternative. М., 1988.

28. CIA World Factbook, 2010.

29. *Cordesman A.H., Al-Rodhan Kh.R.* The Gulf Military Forces in an Era of Asymmetric War. Iran. June 28, 2006 [Electronic resource] // Centre of Strategic and International Studies [Official website]. System requirements: Adobe Acrobat Reader. URL: http://csis.org/files/media/csis/pubs/060728_gulf_iran.pdf (дата обращения: 19.01.2011).

30. *Doyle L.* Obama to Warn Israel's PM Benjamin Netanyahu: «No More Blank Cheques» // The Telegraph. May 17, 2009.

31. *Dubois G.* The EU and the Mediterranean: Where are We Today? // Europe, the Mediterranean, Russia: Perception of Strategies. Moscow, 1998. P. 11—32.
32. *Frattini F.* Rethinking Iran // The New York Times. June 9, 2009.
33. La Géopolitique du Pétrole et des Énergies [En ligne] // Planete-energies.com [Portal web]. URL: <http://www.planete-energies.com/contenu/energie/avenir/geopolitique-petrole.html> (дата обращения: 15.01.2011).
34. Office of the Press Secretary, The White House, «Remarks by the President on a New Beginning», Cairo, Egypt, June 4, 2009 [Electronic resource] // The White House [Official website]. URL: http://www.whitehouse.gov/the_press_office/Remarks-by-the-President-at-Cairo-University-6-04-09/ (дата обращения: 19.08.2010).